

Кулон

Мороз В. Е

18+

Морок В.Е

Кулон

<https://litres.ru/74534133>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор Снегирёв нашёл кулон в девяносто восьмом — на помойке, среди битого кирпича. Через год умер его отец. Виктор не плакал: камень не дал. Через двадцать лет он передал кулон сыну — и промолчал, как молчали до него.

Артём надел камень в четверг. К вечеру мир стал ярче. К концу недели он перестал видеть сны. К концу месяца — перестал петь. К концу второго — не помнил, где заканчивается он и начинается голод.

Кулон — не проклятие. Инструмент. Он ест согласие: каждый раз, когда ты говоришь «хочу» или «да», он берёт. Не отнять, не сломать. Остаётся третий путь — тот, что вырван из семейной тетради.

Не про спасение мира. Про спасение одного — себя. И про тех, кто остаётся рядом.

Голод не умирает. Он находит. Но можно перестать быть его ртом.

Содержание

От автора	4
Часть 1. Пробуждение	5
Пролог. Камень	6
Глава 1. Наследство	9
Глава 2. Первые дни	15
Глава 3. Света	22
Глава 4. Коля	28
Глава 5. Лена	34
Глава 6. Трещина	40
Глава 7. Бар «Соты»	46
Глава 8. Конверт	54
Глава 9. Угроза в конверте	62
Глава 10. Между двух огней	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Морок В.Е

Кулон

От автора

Эта книга — не про камень.

Камень в ней — только повод. Он тёплый, гладкий, послушный — и голодный. Он даёт силу, уверенность, удачу. Он забирает то, что человек обычно не замечает, пока не потеряет: способность радоваться без причины, петать на кухне, бояться за другого, хотеть чего-то просто так.

Кулон переходит по роду. Каждый носитель думает, что он — хозяин. Каждый ошибается.

Эта история — о том, как трудно не соглашаться. Не бороться, не отказываться, не страдать — просто не соглашаться. Каждый день. Даже когда очень хочется сказать «да».

Если вы когда-нибудь чувствовали, что что-то чужое решает за вас — эта книга для вас.

Если нет — она всё равно о вас. Потому что голод не умирает. Он находит.

Часть 1. Пробуждение

«Легче найти талисман, чем человека, который его достоин» — из старой записи

Пролог. Камень

Виктор Снегирёв нашёл кулон в августе, в девяносто восьмом — на помойке, среди битого кирпича и ржавых пружин. Дача в Петушках, последний день перед отъездом. Отец чистил чердак, мать упаковывала коробки, и Виктор — двенадцатилетний, загорелый, с разбитой коленкой — полез в сарай за гвоздём.

Кулон лежал в жестяной коробке из-под чая. Тёмный, гладкий, тёплый — не от солнца, а сам по себе. На поверхности — едва различимый узор: спираль, уходящая вглубь. Виктор сжал его в ладони, и что-то сдвинулось. Не в камне — внутри. Как будто кто-то очень давно и очень усталый вздохнул.

Он показал находку отцу. Папа посмотрел, повертел, пожал плечами.

— Оставь себе, — сказал он. — Только не носи пока. Мало ли.

Виктор носил. Потихоньку от родителей, под футболкой, на шнурке. Кулон грел кожу и видел сны. Не страшные —

другие. В снах Виктор шёл по длинному коридору, и в конце горел свет. Не лампа, не солнце — свет, который ничего не освещал, но был. Каждый раз Виктор просыпался на полшага ближе к двери.

Через год отец умер. Инфаркт — мгновенно, на работе, в обеденный перерыв. Виктор не плакал. Кулон не дал. Он лежал на груди, тёплый и спокойный, и Виктор чувствовал: всё правильно. Так надо. Так устроено. Боль была, но — далеко, за стеклом, как в аквариуме, где вода мутная и рыбка плавает криво. Виктор смотрел сквозь стекло и не промокал.

Кулон питал. Кулон утешал. Кулон заменял.

Двадцать лет спустя Виктор передал камень сыну. Артёму было двадцать три. Виктору — сорок семь. Камень не составил. Тёмный, гладкий, тёплый — как в тот день на помойке. Спираль на поверхности стала чуть глубже, будто кто-то прошёлся резцом.

Артём взял кулон — и камень узнал его. Не как сына Виктора. Как нового хозяина. Новый сосуд. Новое топливо.

Виктор стоял в дверях, смотрел, как сын застёгивает цепочку на шее, и думал: я должен был сказать ему. Что кулон ест. Что он тёплый — не потому что живой, а потому что

голодный. Что каждый раз, когда тебе хорошо, — это не тебе хорошо. Это ему.

Не сказал. Кулон не дал. Виктор развернулся и пошёл к машине. Завёл двигатель, вырулил со двора, проехал два квартала — и остановился. Руки дрожали. Он вспомнил: отец тоже не сказал. И отец отца — тоже. Кулон переходил по мужской линии, и каждый раз — молча.

«Может, это и к лучшему, — подумал Виктор. — Может, он сам поймёт. Как я понял. Как отец понял. Потом. Когда будет поздно».

Он поехал дальше. Кулон на шее Артёма — тёплый, гладкий, тёплый — молчал.

Молчал и ждал.

Глава 1. Наследство

Артём Снегирёв получил кулон в воскресенье, в августе, двумя днями раньше срока. Отец приехал из Коврова без звонка — просто появился на пороге московской квартиры, худой, загорелый, с тёмными кругами под глазами. В руках — жестяная коробка из-под чая.

— Это тебе, — сказал отец. — Давай сейчас. Мне пора.

Артём не успел спросить, куда пора. Отец положил коробку на стол, открыл — внутри лежал камень. Тёмный, гладкий, тёплый. На поверхности — спираль, уходящая вглубь, как будто вырезанная изнутри. Артём поднял его, и пальцы стали тёплыми. Не от камня — от чего-то внутри. Как будто кто-то очень давно вздохнул и выдохнул тепло в ладонь.

— Не носи пока, — сказал отец. — Мало ли.

И ушёл.

Артём стоял в коридоре с камнем в руке и смотрел, как отец садится в машину. Виктор не оглянулся. Машина тронулась, проехала по улице, свернула за угол — и исчезла.

Артём сжал кулон сильнее. Тепло усилилось. Как ответ. Как «я здесь».

Артём жил в Москве полтора года — снимал комнату в Чертанове, работал в интернет-издании «Курсив», писал статьи про городскую среду и архитектуру. Тихая работа, тихая жизнь: вставал в семь, метро, редакция, обед в столовой, метро, дом. По выходным — бег в Битцевском лесу, иногда кино. Друзей в Москве почти не было. Девушки — не было давно. Артём не считал себя одиноким — он считал себя нормальным. Просто — нормальный парень, двадцати трёх лет, без особых амбиций и без особых бед.

Кулон лежал в жестяной коробке на полке три дня. Артём не надевал его — не из страха, а из лени. Камень есть камень. Тёплый — ну, может, нагрелся на солнце. Спираль — ну, узор. Артём не верил в магию, не верил в проклятия, не верил в то, что вещи могут хотеть. Вещи — это вещи.

В четверг он надел. Не потому что решил — просто утром, одеваясь, увидел коробку, открыл, сжал камень в ладони. Тепло — знакомое, как будто он держал его вчера. Артём повертел кулон, нашёл в ящике кожаный шнурок, завязал, застегнул на шее.

И ничего не произошло.

Артём усмехнулся — «ну вот, магия» — и пошёл на работу. В метро кулон грел кожу. Тепло ровное, спокойное, как грелка. Артём не замечал его — пока не вышел на поверхность и не понял: мир стал ярче. Не ярче — ярче. Цвета — насыщеннее, звуки — отчётливее, запах выхлопа и кофе — острее. Как будто сняли плёнку с экрана.

Артём списал это на кофе и недосып. Но в редакции — списать не получилось.

Первой заметила Лена. Лена Чижова работала через два стола — экономика, финансы, колонка о налогах. Тёмные волосы, тонкое лицо, тихий голос. Артём знал её полгода — здоровались, иногда вместе пили кофе, иногда она приносила ему печенье («ты опять забыл обед, Снегирёв»). Ничего особенного. Просто — хорошая.

В тот четверг Лена подняла голову от монитора, посмотрела на Артёма — и замерла.

— Ты что, подстригся?

— Нет.

— Постирал что-то? Новый одеколон?

— Нет.

— Ты... — она нахмурилась. — Ты выглядишь иначе. Свежее. Или моложе. Не пойму.

Артём пожал плечами. Но к обеду заметил ещё: редактор Елена Павловна, пятидесятилетняя, суровая, отметила его статью — впервые за полгода.

— Хорошо написано, Снегирёв. Так держать.

Коллега Сергей, обычно молчаливый, зашёл поболтать. Охранник у входа — поздоровался первым. Курьер — улыбнулся.

Артём не понимал. Он не сделал ничего особенного — написал обычную статью про парковки, в обычном стиле. Но мир вокруг стал — мягче. Как будто камера сфокусировалась.

Вечером, дома, он достал кулон, повертел в руках. Камень был тёплый — чуть горячее, чем утром. Спираль на поверхности — глубже? Или показалось.

Артём положил кулон на тумбочку и лёг спать. Ночью ему приснился сон — длинный коридор, тёмный, и в конце — свет. Не лампа, не солнце. Свет, который ничего не освещал, но был. Артём шёл к нему — и каждый шаг давался легче обычного. Проснулся на полшага ближе к двери.

Он не помнил этого сна. Но кулон помнил.

Артём лёг спать и увидел сон.

Не тот сон — не коридор, не свет, не дверь. Другой.

Он шёл по коридору — длинному, тёмному, но стены были не голые. Они были — как книги. Книги без названий, без авторов, без обложек. Просто — корешки, тёмные, гладкие, тёплые. Артём вёл по ним рукой — и каждый корешок пульсировал под пальцами. Как сердце. Как — живой.

Коридор — бесконечный. Артём шёл — и не уставал. Книги — мелькали, тысячи, миллионы, и в каждой — чьё-то дыхание, чей-то голод, чья-то жизнь. Или — то, что осталось от жизни.

В конце — дверь. Приоткрыта. За ней — свет. Не лампа, не солнце. Свет, который ничего не освещал — но был. И — голос. Не кулон. Не мать, не отец, не Коля. Другой. Древний, усталый, глубокий — как колокол на дне океана.

Голос сказал:

— Ты пришёл.

Не «наконец-то» — просто «ты пришёл». Как факт. Как — констатация. Артём остановился. Рука — на дверце. Тепло — от двери. Знакомое. Как от кулона, но — больше. Гораздо больше. Как будто кулон — ручей, а за дверью — море.

Артём проснулся. Сердце — быстро. Пот — на лбу. Кулон — тёплый, спокойный, ровный. Как ни в чём не бывало.

Артём не помнил сна. Ни коридора, ни книг, ни двери. Ни голоса. Только — тепло. И — чувство, что что-то — ждало. Давно. Терпеливо. Не кулон. Кто-то — другой.

Глава 2. Первые дни

За неделю кулон стал частью Артёма — незаметно, как тень. Артём не думал о нём, но кулон думал об Артёме.

В пятницу утром Артём проснулся в шесть — без будильника, свежим, выпавшимся. Тело было лёгким, голова — ясной. Он побежал в Битцевском лесу — пять километров вместо обычных трёх, и не устал. Деревья казались зелёнее, небо — выше, воздух — чище. Артём бежал и улыбался без причины.

В редакции его ждал сюрприз: Сергей сказал, что шеф вызывает Артёма к себе.

— Не знаю зачем, — Сергей понизил голос. — Но заходил главный, спрашивал про тебя. И про твою статью.

Артём постучал в дверь кабинета. Елена Павловна сидела за столом, листала его материал.

— Снегирёв, — она подняла глаза. — Я перечитала твою серию про парковки. Хорошо. Очень хорошо. Я даю тебе колонку. Еженедельную, на первую полосу. Тема — городская

среда, но шире. Готов?

Артём кивнул. Внутри — никаких эмоций. Ни радости, ни страха. Спокойствие. Как будто камень на груди шептал: «Я уже знаю. Всё уже хорошо».

Лена ждала у двери.

— Ну?

— Колонку, — сказал Артём.

Лена улыбнулась — широко, тепло, и Артём впервые заметил, что у неё зелёные глаза и ямочки на щеках.

— Поздравляю, Снегирёв. Ты это заслужил.

Она положила руку ему на плечо — и кулон вспыхнул. Не больно, не горячо — просто стал теплее на полградуса. Артём посмотрел на Лену — и Лена посмотрела на него. Дольше, чем нужно. Глубже, чем обычно.

Вечером они пошли в кафе. Не свидание — просто кафе. Артём рассказывал о колонке, Лена — о налоговой реформе. Кулон грел кожу, и Артём говорил увереннее, чем обычно, и Лена смеялась чаще, чем обычно, и официант принёс им

десерт на дом — «от заведения».

Артём провожал Лену до метро. На эскалаторе она сказала:

— Ты сегодня другой. Я не знаю, как сказать. Ты — больше. Не физически, а... как будто тебя стало больше. Ты был всегда тут, — она показала на уровне груди, — а теперь — тут.

Она подняла руку выше.

Артём не ответил. Кулон молчал. Но Артём подумал: «Она чувствует. Она не знает, что чувствует, но чувствует».

Дома он посмотрел на кулон. Спираль — глубже. Тепло — ровное, как дыхание. Артём лёг спать и увидел коридор. На этот раз — свет ближе. Дверь в конце — приоткрыта. Артём протянул руку — и проснулся.

В субботу позвонил Коля. Николай Снегирёв — двоюродный брат, на пять лет старше, жил в Коврове, работал на заводе, разводился с женой. Голос у Коли был хриплый и виноватый — как у всех, кто звонит, когда ему плохо, но не

может сказать прямо.

— Тём, привет. Это Коля. Ты как?

— Нормально. А что?

— Да ничего. Просто... Папа сказал, что отец тебе... ну, что Виктор тебе... передал.

Артём замер.

— Передал что?

— Ну... ты знаешь. Камень. Кулон.

Артём не ответил. Тишина в трубке — длинная, тяжёлая, как пауза перед громом.

— Коль, ты про этот камень что-то знаешь?

— Знаю. — Коля кашлянул. — Папа рассказал. Давно. Мне было двадцать, я разводился в первый раз — ну, ты помнишь. Папа отвёл меня в сторону и сказал: «Коля, у нас в роду есть камень. Он переходит от отца к сыну. Он помогает. Но он берёт. Понимаешь?» Я не понял. Папа сказал: «Тебе он не достанется. Он идёт по линии Виктора. Но если ко-

гда-нибудь Артём будет... не собой — вспомни про камень».

Артём молчал.

— Тём, ты там? Ты его уже надел?

— Да.

Коля выдохнул — долго, медленно, как человек, который ожидал худшего и получил его.

— Сними, — сказал Коля.

— Почему?

— Потому что он не помогает. Он меняет. Папа сказал: Виктор после того, как получил камень — стал другим. Увереннее, сильнее, успешнее. Но — холоднее. Как будто что-то внутри выключили. Тёплую часть. Камень даёт — но берёт взамен что-то тёплое. Ты понимаешь?

Артём не понимал. Кулон грел кожу. Мир был ярким. Всё было хорошо.

— Коль, я не чувствую ничего плохого. Наоборот — у меня колонка, я бегаю по утрам, мир стал... лучше.

Коля помолчал.

— Ладно. Просто — звони. Если что-то пойдёт не так. Я приеду.

Артём положил трубку. Кулон лежал на тумбочке — тёмный, гладкий, тёплый. Артём посмотрел на него и впервые — впервые! — подумал: «А что, если Коля прав?»

Кулон не ответил. Но тепло — чуть усилилось. Как поглаживание. Как «всё хорошо, не думай об этом».

Артём не подумал. Лёг спать. Коридор. Свет ближе. Дверь — открыта. Артём шагнул — и проснулся.

Во вторник Артём шёл по Большой Дмитровке — просто шёл. Думал о ерунде: колонка, кофе, ботинки — нужны ли новые. Кулон — тёплый, ровный, незаметный. Как пульс.

Впереди — женщина. Незнакомая. Лет сорока, в сером пальто, с пакетом из «Азбуки вкуса». Шла навстречу. Мимо. И — остановилась. Обернулась. Смотрела — долго. Не как женщина смотрит на мужчину — как человек смотрит

на свет. Прищурилась. Голова — набок. Как будто слушала.

Артём не понял. Прошёл мимо. Кулон — дрогнул. Тепло — усилилось на полградуса. Не больно — приятно. Как поглаживание.

Артём обернулся. Женщина — шла за ним. Медленно, не торопясь. Три шага. Пять. Десять. Потом — остановилась. Повернулась. Пошла — обратно. Прочь.

Артём стоял на тротуаре. Люди — мимо. Москва — шумела. Кулон — грел. Артём не придавал значения. Просто — женщина посмотрела. Бывает.

Но кулон — знал. Кулон — запомнил. Кулон — уже работал. Не спрашивая. Не предупреждая. Тихо, незаметно, как радиация. Артём шёл — и кулон искал. Каждое тело — на улице, в метро, в кафе — кулон оценивал. Голодное — нет. Тёплое — нет. Подходящее — нет. Как сканер. Как — нюх.

Артём не знал. Артём шёл и думал о ботинках.

Глава 3. Света

Света появилась в жизни Артёма через неделю после кулона — как подарок, как подсказка, как ловушка. Он не знал, что из трёх.

Она работала в кофейне на Большой Дмитровке — бариста, студентка последнего курса филфака, двадцать два года. Рыжие волосы, веснушки, смех — громкий, неровный, как будто она смеялась не над шуткой, а над тем, что мир вообще существует. Артём зашёл за кофе в субботу утром — и кулон дрогнул.

Не от тепла — от узнавания. Как будто камень встретил кого-то, кого давно искал.

Света подняла глаза — серые, большие, с хитрецей — и замерла.

— Ого, — сказала она.

Артём не понял.

— Что «ого»?

— Ты светишься. Не буквально, но... Ты когда идёшь, за тобой свет. Как за машиной в тумане.

Артём рассмеялся.

— Это кофе такой.

— Нет, — Света покачала головой. — Это не кофе. Это ты. Мне кажется, я тебя знаю. Давно. Откуда-то.

Она нахмурилась, как будто пыталась вспомнить сон.

— Ты бывал в Коврове?

— Я оттуда.

— Вот почему, — Света улыбнулась. — Я тоже. Семь лет назад уехала, но... Ковров — он не отпускает. Ты чувствуешь?

Артём чувствовал. Но не Ковров. Кулон грел кожу — сильно, настойчиво, как будто кричал: «Она. Она нужна. Она — топливо».

Они проговорили три часа. Кофейня закрылась — Света не выгнала его, села напротив с капучино и стала рассказывать. Про Ковров, про отца-токаря, про мать-учительницу, про школу, про то, как уехала в Москву «дышать», потому что Ковров — маленький, тесный, как коробка. Про филфак — «я думала, стану редактором, а стала бариста. Но я не жалею: кофе честнее».

Артём слушал — и кулон слушал. Каждый раз, когда Света смеялась, камень становился теплее. Каждый раз, когда она грустила — холоднее. Как будто он питался её эмоциями. Как будто она была — едой.

Артём не думал об этом. Он думал: «Она красивая. Она из Коврова. Она понимает». Кулон думал: «Она нужна. Она — близкая. Она — подходящая».

В воскресенье они гуляли по центру. В понедельник — кино. Во вторник — Артём написал первую колонку, и Елена Павловна сказала: «Прорыв». В среду — Света поцеловала его на улице, прямо у метро, и кулон вспыхнул так, что Артём почувствовал жар на груди — как ожог, но не больно. Кулон был доволен.

В четверг позвонил Коля.

— Тём, ты как?

— Отлично.

— Голос у тебя другой. Слышишь?

— Какой?

— Ровный. Слишком. Как у папы, когда он... когда ка-
мень.

Артём не ответил. Коля сказал:

— Звони. Если что.

Артём не позвонил. У него была Света, колонка, бег, мир
— яркий, тёплый, послушный. Всё было хорошо.

Кулон молчал. Но спираль — глубже.

Света заметила первой.

Не Артём. Не Коля. Света.

Они сидели в кафе на Покровке — в среду, после кино. Артём рассказывал про колонку — про парковки, про дворовые пространства, про тротуары. Света слушала — и вдруг замолчала. Середина фразы. Слова — оборвались.

— Ты сейчас... — сказала она. — Ты сейчас как будто другой. Не ты.

— Что?

— Не знаю. Как будто ты хочешь что-то. А я не знаю что. И не могу не думать об этом. Как будто ты — дыра. И я — падаю.

Артём посмотрел на неё — и кулон стал теплее. На полградуса. Как ответ. Как — «да, я хочу».

— Свет, я просто рассказываю про парковки.

— Нет. — Света покачала головой. — Это не парковки. Это — ты. Ты — другой. Ты был — тёплый. А сейчас — голодный. Не едой — чем-то. Я не знаю — чем. Но я — хочу. Отдать. Что бы ты ни хотел — отдать. Это страшно. Я не хочу так хотеть.

Артём не понимал. Света — тоже. Она не знала про кулон. Не знала про голод. Но чувствовала — телом, кожей, нутром. Кулон тянул из неё — не эмоции, не радость. Что-то глубже. Что-то, что она не могла назвать.

— Прости, — сказала Света. — Я не знаю, почему это говорю. Забудь.

Артём кивнул. Но не забыл. И кулон — не забыл. Камень на груди — тёплый, ровный, довольный. Он нашёл — путь. Через Артёма — к Свете. Прямой. Короткий. Голодный.

Глава 4. Коля

Коля приехал через две недели — без звонка, в субботу утром, на поезде. Стоял у двери квартиры Артёма — большой, красный, в мятой куртке, с пакетом из «Пятёрочки».

— Я привёз пирожки. Мама испекла. — Он помолчал. — И я хочу поговорить.

Артём впустил его. Коля сел на табуретку на кухне, поставил пакет, огляделся — маленькая кухня, немытая чашка, ноутбук, пустой холодильник.

— Ты не ешь, — сказал Коля. Не вопрос — констатация.

— Ем. Кафе, столовая...

— Ты не ешь дома. Холодильник пустой. Ты не живёшь тут — ты ночуешь.

Коля открыл пакет, достал пирожки, положил на стол.

— Ешь.

Артём взял пирожок — с капустой, мамыны — и откусил. Кулон не отреагировал. Коля смотрел.

— Тём, — сказал он. — Я приехал сказать тебе то, что папа сказал мне двадцать лет назад. И то, что дед сказал папе. Про камень. Про кулон. Про то, что он делает.

Артём отложил пирожок.

— Коль, я...

— Подожди. Послушай. Потом решишь.

Коля говорил полтора часа. Артём слушал — и кулон слушал. Коля рассказывал историю рода Снегирёвых — не по книгам, по словам отца. Прадед получил камень в тридцатых годах — от цыганки на ярмарке, «на счастье». Прадед стал успешнее — магазин, дом, уважение. Но — «стал жёстче. Бабушка говорила — дедушка стал как каменный. Снаружи — тёплый, внутри — холодный». Камень переходил к старшему сыну. Всегда — к старшему. Прадед — деду. Дед — отцу. Отец — Виктору. Виктор — Артёму.

— Каждый раз, — Коля сжимал кулаки, — один и тот

же цикл. Камень помогает — уверенность, удача, женщины, деньги. Потом — человек становится другим. Тёплая часть исчезает. Он перестаёт чувствовать — по-настоящему. Радость — мелкой. Боль — далёкой. Горе — за стеклом. Он становится... эффективным. Как машина. И не замечает — потому что камень делает так, чтобы не замечать.

Артём молчал. Кулон молчал. Но Артём чувствовал: камень на груди — стал холоднее. На полградуса. Как будто слышал.

— Папа сказал, — Коля опустил голову, — что Виктор после камня — стал другим. Увереннее, да. Сильнее — да. Но... маму он перестал видеть. Не глазами — сердцем. Ты помнишь? Последние годы — они жили как соседи. Папа работал, приходил, ужинал, ложился. Без злости, без ссор — просто... без тепла. Камень забрал тепло.

Артём помнил. Последние годы родителей — тихие, ровные, пустые. Как комната, где вынесли мебель: стены есть, пол есть, потолок есть — а жить нельзя.

— И ты думаешь, это камень? — спросил Артём.

— Я знаю, что камень. Папа сказал мне — перед тем, как передал камень тебе. Он сказал: «Коля, я не успел его оста-

новить. Я не сказал ему. Не смог. Камень не дал. Ты — сможешь. Ты не носишь его — он тебя не слышит. Скажи Артёму. Пожалуйста».

Артём закрыл глаза. Кулон молчал. Тепло — ровное, как прежде. Но Артём впервые — впервые! — почувствовал в этом тепле что-то другое. Не заботу. Не «всё хорошо». Контроль. «Не слушай. Не думай. Всё хорошо. Я здесь».

Коля положил руку ему на плечо.

— Тём. Сними его. Пожалуйста.

Артём открыл глаза. Посмотрел на брата — большого, красного, с мокрыми глазами, с пирожками и пакетом из «Пятёрочки». Коля приехал семь часов на поезде — чтобы сказать это. Чтобы спасти его. Артём чувствовал — что? Ничего. Кулон не дал. Тепло — ровное, спокойное, контролирующее.

— Я подумаю, — сказал Артём.

Коля кивнул. Не поверил — но кивнул.

Кулон не ответил. Но когда Коля ушёл, тепло — чуть усилилось. Как поглаживание. Как «всё хорошо. Не думай. Я

здесь».

Коля и Света — встретились без Артёма. Коля позвонил сам.

— Свет, можно? Без него. Пять минут.

Они сидели в парке — на скамейке, в октябрьском холоде. Коля — в мягкой куртке, руки в карманах. Света — в тонком пальто, мёрзла, но не показывала.

Коля спросил прямо:

— Света, ты давно с ним?

— Месяц.

— Он изменился?

Света молчала. Долго. Листья падали — жёлтые, сухие, бесшумные.

— Да. Но я не могу сказать — как. Как будто... как будто я хочу его больше, чем себя. Это нормально?

Коля не ответил. Но он знал — нет. Не нормально. Не — «люблю больше жизни». Другое. «Люблю вместо жизни». Как будто Света — не Света. Как будто кулон — через Артёма — вынул из неё — её. И вложил — голод. Не свой — чужой. Но — привычный. Как запах, к которому привыкаешь за неделю и уже не замечаешь.

— Свет, — сказал Коля. — Он скоро тебе расскажет. Про камень. Я попросил. Если расскажешь — послушай. И не убегай. Просто — послушай.

Света кивнула. Не поняла — но кивнула. Коля смотрел на неё — и думал: «Она — уже не совсем она. Камень — ест. Через Тёму. Ест — её».

Но не сказал. Положил ей в руку пирожок — мамин, с капустой — и пошёл.

Глава 5. Лена

Лена знала, что с Артёмом что-то не так — но не могла понять, что. Она видела: он изменился. Стал увереннее, энергичнее, заметнее. Колонка шла. Шеф хвалила. Коллеги подтягивались. Артём Снегирёв, тихий парень из Чертанова, вдруг стал — видимым.

Но Лена видела и другое. Артём перестал забывать обеды — но перестал и шутить. Перестал жаловаться на метро — но перестал и мечтать вслух. Раньше он говорил: «Вот накоплю, поеду в Питер, пройду по набережным, посмотрю на воду». Теперь — не говорил. Теперь — работал. Эффективно, ровно, как машина.

Лена принесла ему печенье в среду — как обычно. Артём взял, кивнул, положил на стол. Не улыбнулся. Раньше — улыбался. Говорил: «Лена, ты мой спаситель». Теперь — кивнул. Печенье лежало на столе до вечера — Артём не дотронулся.

В четверг Лена зашла к нему после работы.

— Снегирёв, пойдём кофе.

Артём посмотрел на неё — и Лена увидела. Глаза — те же. Карие, тёплые. Но — как будто за стеклом. Как в аквариуме, где вода мутная и рыбка плавает криво. Лена смотрела — и не могла достучаться.

В кафе Лена спросила прямо:

— Ты что-то принимаешь?

Артём рассмеялся — ровно, без сюрприза.

— Нет. С чего?

— Ты другой. Ты стал... ровный. Как коток. Всё гладко — но скользко.

Артём помолчал. Кулон грел кожу.

— Лен, у меня просто — хороший период. Колонка, бег, всё складывается.

— А Света?

Лена спросила — и тут же пожалела. Не потому что ревновала (ревновала — чуть-чуть, она себе не признавалась), а потому что Артём вздрогнул. Впервые за три недели — вздрогнул. Кулон не предусмотрел.

— Что Света?

— Ты с ней встречаешься. Я видела вас у метро.

Артём кивнул.

— Да. Встречаюсь.

— И?

— И всё. Хорошо.

Лена смотрела на него — и не верила. Не «хорошо». Не так бывает, когда «хорошо». Когда хорошо — люди сияют, ошибаются, смеются невпопад. Артём не сиял. Он — функционировал.

Лена положила руку на стол — рядом с его рукой. Не касаясь. Артём посмотрел на её руку. Кулон стал — холоднее. На полградуса. Как предупреждение. «Не надо. Она — лишняя. Она — не нужна».

Но Артём не послушал. Он придвинул руку — коснулся её пальцев. Лена почувствовала: его кожа — тёплая. Слишком тёплая. Не от человека — от чего-то внутри. Как грелка. Лена не отняла руку.

Они сидели так — минуту, две. Кулон молчал. Артём молчал. Лена молчала. За окном шёл дождь — мелкий, октябрьский. Кафе было тёплым, жёлтым, тихим. Артём сжал её руку — и Лена увидела: в его глазах — что-то живое. Маленькое, как огонёк в окне. Не кулон — он. Тот Артём, который был до.

— Лен, — сказал он тихо. — Я не знаю, что со мной. Но мне кажется, что я... теряю. Что-то. Не помню что.

Лена сжала его руку.

— Ты не теряешь. Ты прячешь. Разное.

Кулон не ответил. Но в ту ночь Артём не видел коридор. Впервые за три недели — не видел. Спал — без снов, без света, без двери. Просто — тьма. Тёплая, мягкая, как одеяло.

Кулон злился.

Лена пришла домой. Сняла куртку. Села на кровать. Достала кольцо — бабушкино, серебряное, с зелёным камнем. Надела на палец. Закрыла глаза.

Кольцо — работало. Не как кулон — иначе. Тихо, мягко, как фонарик в темноте. Не грело — показывало.

Лена видела: нить. Тонкая, красная, тянется от неё — к Артёму. Через город, через стены, через улицы. Живая, пульсирующая. Не любовь — связь. Что-то — привязало её к нему. Не она. Не он. Что-то — третье.

И — вторая нить. От Артёма — к Свете. Ярче. Голоднее. Краснее. Эта нить — не пульсировала — дрожала. Как натянутая струна. Как — нерв.

Лена открыла глаза. Сняла кольцо. Положила на стол. Смотрела — долго.

Кулон выбрал Свету. Не как девушку — как еду. Света — была топливо. Артём — рот. Кулон — желудок. А она, Лена — что? Наблюдатель? Свидетель? Или — запас? Второе блюдо?

Лена не сказала Артёму. Пока. Но — запомнила. Кольцо — знало. Кольцо — видело. Кулон — ел. А Лена — смотрела.

Глава 6. Трещина

Через месяц кулон стал сильнее. Артём — слабее. Не физически — физически он был в лучшей форме за год. Бег — десять километров, без усталости. Работа — три колонки в неделю, без напряжения. Света — красивая, яркая, влюблённая. Всё — хорошо. Всё — ровно. Всё — неправильно.

Артём начал замечать — не сразу, не явно. Как трещину в стене: сначала не видно, потом — замечаешь и уже не можешь перестать. Он не чувствовал радости. Не «не радовался» — не чувствовал. Колонка шла — хорошо. Шеф хвалила — он кивал. Света смеялась — он улыбался. Но — не внутри. Снаружи. Как маска. Кулон давал маску — и забирал лицо.

Второе: он перестал видеть сны. Не кошмары — все сны. Коридор исчез. Свет исчез. Дверь исчез. Ночью — тьма, пустая, тёплая, бездонная. Артём просыпался — и не помнил, что было. Как будто ночь — вырезали.

Третье: Света. Он любил её — или думал, что любит. Но когда она целовала его — кулон вспыхивал, а Артём — нет. Камень чувствовал. Артём — нет. «Она нужна» — шептал

камень. «Для чего?» — не спрашивал Артём. Не мог. Кулон не давал спрашивать.

В понедельник Артём получил письмо. Без подписи, без обратного адреса — белый конверт, в почтовом ящике, среди счетов и рекламы. Внутри — фотография. Чёрно-белая, старая — мужчина, похожий на Артёма, стоит у дома, в руках — жестяная коробка. На обороте — дата: «1971» и одно слово: «Владимир».

Артём не знал этого человека. Но кулон — знал. Камень на груди стал — холодным. Впервые за месяц — холодным. Как будто вспомнил. Как будто увидел — и отшатнулся.

Артём перевернул фотографию. На обороте — ещё одна надпись, мелкая, торопливая: «Он ищет. Не давай».

Кулон дрогнул. Не от тепла — от страха. Артём почувствовал — впервые. Камень на груди — дрожал. Тонко, едва заметно, как мобильный на беззвучном. Кто-то — или что-то — напугало кулон. Артём сжал камень в ладони — и он был холодный. Холодный и дрожащий. Как живой.

Артём позвонил Коле.

— Коль, мне пришло письмо. Фото. Мужик с коробкой — как наша. 1971 год. Владимир. И написано — «он ищет, не давай». Коль, ты понимаешь?

Коля молчал. Долго. Потом сказал:

— Приезжай. Бери камень. Приезжай в Ковров. Нам нужно поговорить. И не с нами — с людьми, которые знают.

Артём положил трубку. Посмотрел на кулон — тёмный, гладкий, холодный. Спираль — глубокая, как борозда. Камень молчал. Но Артём слышал — не ушами, внутри — тонкий, высокий, далёкий звук. Как нота. Как сигнал. Как предупреждение.

Что-то шло. Что-то искало. Что-то знало — где кулон.

И кулон — боялся.

Мартин не позвонил. Он пришёл.

В среду вечером — стук в дверь. Артём открыл — и увидел старика. Седой, худой, в длинном пальто. Кашлял — в

платок, мокро, глубоко. За спиной — лестница, темнота, запах хостела.

— Снегирёв, — сказал Мартин. — Можно?

Артём впустил. Мартин сел на кровать — единственное место, где можно было сидеть. Огляделся: койка, тумбочка, рюкзак, кулон на шнурке. Посмотрел на кулон — долго, внимательно, как врач на снимок.

— Я знаю, что это, — сказал он. — Я знаю, что он делает. Я могу помочь.

— Как?

— Ты работаешь на меня. Три месяца. Потом — я даю тебе адрес Степаниды.

— Откуда вы знаете про Степаниду?

Мартин кашлянул — долго, мокро. Вытер губы. Посмотрел на Артёма — и глаза у него были не стеклянные, как Артём ожидал, а живые. Усталые, больные, но — живые.

— Потому что твой отец был у меня. Перед тем, как поехать к ней. Виктор пришёл — такой же, как ты. С камнем,

с вопросами, с страхом. Я дал ему адрес. Он не доехал. Не потому что не хотел — потому что камень не дал. Камень — знал. Камень — испугался. Степанида — единственная, кого камень боится.

Артём молчал. Кулон молчал. Но Артём чувствовал: камень на груди — холоднее. На полградуса. Как будто — слышал.

— Мартин, — сказал Артём. — Вы — не новый. Вы — часть. Вы — давно в этой истории.

Мартин кивнул. Не улыбнулся — кивнул.

— Двадцать лет. Моя жена — носила. Давно. Камень — не ваш. Другой. Слабее. Но — тот же голод. Она — жива. Но — пуста. Я — ищу способ. Твой отец — искал. Ты — ищешь. Я — умираю — но пока дышу — ищу.

Он встал. Кашлянул. Положил на тумбочку визитку — белую, без телефона, без имени. Только — адрес.

— Первое задание — через неделю. Мия — передаст. Не отказывайся. Это — не работа. Это — обучение. Ты научишься — не быть дровами.

Ушёл. Ботинки — по коридору. Кашель — за стеной. Артём стоял с визиткой в руке. Кулон молчал. Но — впервые — не от равнодушия. От страха.

Глава 7. Бар «Соты»

В пятницу вечером Артём сидел в баре «Соты» — один, с пинтой тёмного, в углу, у окна. Кулон лежал на груди — холодный, молчаливый, тревожный. Три дня после фотографии — три дня тишины. Камень не грел, не шептал, не направлял. Просто — молчал и холодел.

Позвонил Сергей из редакции.

— Снегирёв, ты где? Шеф ищет тебя. Ты не пришёл на планёрку.

Артём не пришёл. Второй день. Колонка — не написана. Статья — не сдана. Артём не мог — не «не хотел», не мог. Руки — слушались, голова — работала, но кулон молчал, и без его тепла — мир стал серым. Не тёмным, не страшным — серым. Как будто кто-то выкрутил насыщенность.

Артём ответил Сергею:

— Завтра. Всё будет.

Сергей помолчал.

— Тём, ты нормальный? Голос у тебя...

— Я нормальный.

— Голос у тебя — как у утопленника. Как у человека, который говорит из-под воды. Тебе помочь?

— Нет. Завтра.

Коля сидел напротив — прилетел утром, без багажа, в той же мятой куртке. Не пил — смотрел.

— Ты другой стал, — сказал он. — Не как месяц назад. Тогда ты был — ровный, как каток. А сейчас — как за стеклом. За стеклом — и стекло треснуло. Ты чувствуешь?

Артём чувствовал. Кулон молчал — и без него было... пусто. Не больно, не страшно — пусто. Как комната без мебели. Как день без света. Как голос без звука.

— Коль, я не понимаю, — сказал Артём. — Когда кулон работал — мне было хорошо. Всё — хорошо. Света, работа, бег. А сейчас — ничего. Пусто. Он замолчал — и я — за-

молчал. Как будто он — это я. А без него — никто.

Коля стукнул кулаком по столу. Пиво плеснуло.

— Вот! Вот именно! Он — не ты! Он — вместо тебя! Ты думал, это ты — уверенный, энергичный, успешный? Нет. Это он. Ты — тёплый, растерянный, забывчивый. Ты — пирожки ешь и мечтаешь про Питер. Ты — «Лена, ты мой спаситель». Ты — нормальный, живой. А он — холодный, эффективный, ровный. И ты уже не отличаешь — где ты, а где он.

Артём молчал. Кулон молчал. Но Артём — впервые — услышал тишину. Не пустоту — тишину. Разницу. Между «кулон молчит» и «я молчу». Между «хорошо» и «кулон делает хорошо». Между «я» и «он».

Коля сказал:

— Тём, надо ехать в Ковров. Там — люди. Папа говорил — есть те, кто знает про камень. Не из нашего рода — другие. Которые создавали такие. Или — которые забирают.

Артём кивнул. Кулон молчал. Но в тишине — Артём услышал: тонкий, высокий, далёкий звук. Тот же, что после фотографии. Предупреждение. Или — зов.

Мия пришла — на следующий день. Не в бар — в хостел. Села на стул, скрестила ноги, посмотрела на Артёма. Потом — на кулон.

— Он голодный, — сказала она. — Я вижу. Как чёрная дыра. Он ест тебя.

Артём вздрогнул. Не от слов — от точности. Мия видела — не метафору. Факт.

— Как остановить?

— Не останавливать. Кормить — не его. Себя.

— Что это значит?

— Ты ешь. Спишь. Любишь. Смеёшься. Всё, что он забирает — возвращай себе. Каждый день. Как зарплату. Он забирает радость — ты радуешься. Он забирает тепло — ты греешься. Он забирает усталость — ты устаёшь и отдыхаешь. Не борись — восполняй. Каждый день. Как дыхание. Вдох — он забрал. Выдох — ты вернул.

Артём не понимал. Но запомнил. «Кормить не его — себя». Как инструкцию. Как — правило. Он не знал — работает ли. Но Мия — знала. Мия — видела.

Коля пришёл вечером — с пивом и пирожками. Мия осталась. Коля сел на пол (кровать — одна, стул — один), и Мия — рядом. Коля смотрел на неё — оценивающе, как смотрят на врача, который пришёл к больному родственнику.

— Ты откуда? — спросил Коля. — Ну — вообще. Откуда ты знаешь про камни?

Мия помолчала. Потом — сказала:

— Бабушка. Мне было семь. Она отвела меня на рынок — не на обычный, на блошиный. Подвела к торговцу — старому, тёмному, с руками — как корни. Сказала: «Посмотри на его руки». Я посмотрела — и увидела: руки были как прозрачные. И внутри — тьма. Не плохая — голодная. Как пустой желудок.

Коля слушал. Пиво — забытое.

— Бабушка сказала: «Это — голод. У всех есть. У кого-то

— больше. Ты видишь — сколько». Я испугалась. Бабушка — нет. «Не бойся, — сказала она. — Видеть — не значит кормить. Видеть — значит знать, когда отойти».

Мия замолчала. Коля спросил:

— И ты — отошла? От Артёма?

— Нет. К Артёму — подошла. Потому что увидела: его огонь — не чужой. Свой. Маленький, слабый, но — свой. Камень — чужой огонь. А внутри Артёма — свой. Я подошла — потому что свой огонь — можно раздуть. Чужой — нельзя.

Коля кивнул. Не понял — но поверил. Мия — не лгала. Мия — видела. А Коля — чувствовал. Разные — способности, один — результат: Артём — горел. Тлел. Но — горел.

Вечером Артём вернулся в хостел. Коля ушёл спать к другу. Мия — осталась в баре. Артём лежал на койке, в темноте, и кулон лежал на груди — холодный, молчаливый, тёмный.

И тогда — конверт.

Не в почтовом ящике — под дверью. Белый, без подписи, без обратного адреса. Артём поднял, открыл — внутри листок. Одно предложение, напечатанное на принтере: «У вас есть то, что мы ищем. У вас есть три дня».

Кулон не отреагировал. Не дрогнул, не нагрелся, не похолодел. Молчал — как мёртвый. И Артём — впервые — испугался. Не конверта — не письма. Того, что камень не почувствовал. Или — почувствовал и промолчал. Или — не смог. Кто-то был сильнее.

Артём позвонил Коле.

— Коль, мне угрожают. Три дня. А камень — молчит.

Коля молчал. Потом:

— Это — Орден. Те, кто забирает камни. Папа говорил. Они — не убивают. Они — берут. Приходи в Ковров. Завтра. Все. Все, кто с тобой.

Артём положил трубку. Кулон молчал. Тишина — оглушительная. В первый раз за всё время — Артём был один. По-настоящему один. Без кулона, без тепла, без маски.

Артём закрыл глаза. Темнота. Тишина. И — где-то далеко

— СВЕТ.

Глава 8. Конверт

Утро субботы. Артём проснулся в квартире Коли — на раскладушке, в тесной комнате, пахнущей табаком и пирожками. Кулон — холодный, молчаливый, тёмный. Три дня без тепла. Артём чувствовал — себя. Без каменной маски, без «всё хорошо», без фильтра. И себя — не нравилось. Серый, вялый, пустой. Как комната без мебели.

Коля варил кофе на кухне.

— Тём, я кое-что не сказал. Про письмо. Про фото.

Артём сел за стол.

— Говори.

— Папа — перед тем, как передать тебе камень — мне позвонил. Последний раз. Сказал: «Коля, я нашёл их. Тех, кто создавал камень. В Москве. Они знают. Но я не доехал — не успел. Записная книжка — в ящике стола. Там — адреса. Найди Артёма. Отдай».

Коля достал из кармана — тетрадь. Маленькая, кожаная,

потёртая.

— Это папина. Я взял после похорон. Там — три адреса. Все — в Москве. И — одно слово. «Степанида».

Артём открыл тетрадь. Почерк отца — торопливый, мелкий, трудночитаемый. Три адреса — на разных страницах, разными ручками: Зинаида, Марья, Мия. И — внизу последней страницы — «Степанида. Покровка. Она — знает».

Кулон дрогнул. Артём почувствовал — на груди, под футболкой, камень дрожал. Не от тепла — от узнавания. Как собака, которая почуяла хозяина. Кулон услышал имя — и отозвался.

Артём приехал в Москву в воскресенье утром. Поезд, метро, хостел на Сущёвке — маленький, дешёвый, с тонкими стенами и общим коридором. Он снял койку, бросил рюкзак, сел на кровать. Кулон молчал. Но дрожь — осталась. Тонкая, постоянная, как ток.

Артём позвонил Лене.

— Лен, я в Москве. Мне нужно... Мне нужна помощь. Не

спрашивай — пожалуйста. Просто — приходи.

Лена пришла через час — в осенней куртке, с мокрыми волосами, с тревогой в глазах.

— Снегирёв, ты выглядишь... — она помолчала. — Ты выглядишь как человек, который не спал неделю. Что случилось?

Артём показал ей кулон.

— Это — от отца. Камень. Он... живой. Он ест. Меня. Он даёт — уверенность, удачу, тепло — и забирает — меня. Понимаешь? Забирает меня. Я — не я, когда он работает. А когда он молчит — я пустой. Я не знаю, где я, а где он.

Лена смотрела на камень. Тёмный, гладкий, тёплый — даже теперь, молчаливый.

— И ты хочешь... что?

— Я хочу понять. Откуда он. Кто его сделал. И — как перестать быть его едой.

Лена не отвела взгляда.

— Хорошо. Что делаем?

Артём открыл тетрадь отца. Три адреса. Три имени. И — Степанида.

— Начнём с первого, — сказал Артём.

Кулон молчал. Но дрожь — усилилась.

Марья сидела у Артёма на кухне. Не в Бутово — в хостеле. Пришла сама, без звонка. С пакетом — чай, конфеты, печенье. Как — мама. Но не мама.

Артём налил чай. Марья обхватила кружку — маленькими, сухими руками. Пила — медленно, с удовольствием. Как человек, который помнит вкус.

— Я не всегда была такой, — сказала Марья. — Я училась. На медсестру. Бросила на третьем курсе. Денис сказал: «Ты не потянешь». Я поверила.

— Почему поверили?

Марья смотрела в кружку. Пар — поднимался.

— Потому что он сказал это один раз. А до этого — двадцать раз говорил, что я умная. Что я — лучше всех. Что я — справлюсь. Но я запомнила — один. Один раз. «Не потянешь». И — не потянула.

Артём молчал. Кулон молчал. Но Артём думал: это — как кулон. Один голос. Громче остальных. Двадцать раз — «ты умная». Один раз — «не потянешь». И — не потянула. Кулон — тот же голос. «Тебе хорошо. Тебе хорошо. Тебе хорошо». Один раз — «я заберу». И — забрал.

— Марья, — сказал Артём. — Денис — это как камень. Один голос — громче двадцати.

Марья кивнула. Не удивилась. Она — знала. Она — хранила информацию не в книгах — в себе.

Артём не позвонил Марье. Он пошёл.

Не звонок — не сообщение. Он оделся, вышел, доехал до Бутово, поднялся на седьмой этаж. Постучал. Марья открыла — и увидела его лицо. Поняла.

— Ты видел, — сказала она. Не вопрос.

— Видел.

— Денис.

— Денис.

Марья отступила. Артём вошёл. Кухня — та же. Чай — тот же. Но Марья — другая. Не рентген. Не хранительница. Человек — маленький, испуганный, с трясущимися руками.

— Ты не должен был, — сказала она. — Это моё. Моё — дело. Мой — Денис. Мой — страх. Ты — не при чём.

— Марья. Я не могу — не. Кулон — или нет. Я — не могу.

Она смотрела на него. Долго. Потом:

— Тогда — вместе. Я не буду прятаться. Первый раз — не буду.

Артём кивнул. Это — первый раз, когда он выбрал не использовать кулон — а действовать сам. Без маски. Без тепла. Без — «всё хорошо». Просто — человек. Который — не может — не.

Денис пришёл — в пятницу.

Не позвонил. Не написал. Пришёл. Артём был у Марьи — они пили чай. Стук — три удара. Марья — замерла. Кружка — выпала. Чай — на пол.

— Он, — сказала она. Шёпотом.

Артём встал. Открыл.

Денис — крупный, в хорошем пальто, с чемоданчиком. Серебристый. Тот самый. «Излучатель», — подумал Артём. Кулон — дрогнул. Не от тепла — от узнавания. Знал. Боялся.

— Марья, — сказал Денис. — Я нашёл. Я всегда нахожу.

Марья стояла в дверях кухни. Маленькая, седая, с мокрыми руками. Денис прошёл — отстранив Артёма, как ребёнка. Сел на кухне. Открыл чемоданчик. Излучатель — маленький, серебристый, с синим огоньком.

— Ложись, — сказал он.

Марья — не легла. Впервые — не легла. Десять лет — ложилась. Каждый раз. Каждый раз — излучатель к виску, и — пустота. Забвение. Покой. Не-Марья.

Сейчас — не легла. Денис удивился. Приложил излучатель к её виску — Марья отняла руку. Отняла — и не упала. Стояла.

— Что с тобой? — спросил Денис. Не злость — недоумение. Как у человека, у которого прибор перестал работать.

— Я — не твоя, — сказала Марья. — Больше — не твоя.

Денис смотрел — секунду, две. Потом — встал. Закрыв чемоданчик. Оделся. Ушёл. Не бил, не кричал — ушёл. Чемоданчик — забрал.

Марья — осталась. Руки — тряслись. Чай — на полу. Но — стояла.

Артём стоял рядом. Не помогал — стоял. Марья — стояла. Без кулона, без Степаниды, без друзей. Одна — и — стояла. Это — было сильнее, чем всё, что Артём видел.

Глава 9. Угроза в конверте

Ночь без сна. Артём лежал на койке в хостеле, смотрел в потолок, и кулон лежал на груди — холодный, как камень. Не «как» — камень. В первый раз за два месяца — Артём держал на груди камень, и это был — просто камень. Тёмный, гладкий, тяжёлый. Без тепла, без голоса, без голода. Мёртвый.

Но письмо — жило. «Три дня». Артём перечитал пять раз. Шрифт — обычный, Arial, двенадцатый кегль. Бумага — обычная, белая, А4. Ни подписи, ни печати, ни запаха. Профессионально. Кто бы ни написал — он знал, как писать угрозы. Это не первый конверт.

Артём не спал. В четыре утра встал, оделся, вышел на улицу. Москва — пустая, тёмная, мокрая. Дождя не было — но воздух был влажный, тяжёлый. Артём шёл по Сущёвке, и кулон молчал, и город молчал, и мир был — серый. Без фильтра, без тепла, без кулона. Просто — Москва ночью. Просто — человек, который не знает, что делать.

Утром — в редакцию. Артём пришёл к девяти — впервые за неделю. Лена ждала у входа.

— Ты бледный. Ты спал?

— Нет.

— Идём.

В кафе напротив редакции Артём показал ей письмо. Лена прочитала — два раза.

— Кто-то знает про камень. И хочет его. Три дня — это ультиматум.

— Кулон не отреагировал, — сказал Артём. — Он всегда чувствовал — когда кто-то рядом, когда опасность. А тут — ничего. Как будто... кто-то сильнее камня.

Лена посмотрела на него — и Артём увидел: она испугана. Не за себя — за него. Это было — новое. Света пугалась — и кулон утешал. Лена пугалась — и оставалась. Без утешения, без маски, без «всё хорошо».

— Тём, — сказала Лена. — Поедем к Марье. В тетради твоего отца — три адреса. Зинаида — первая. Но Марья —

ближе. Она в Москве.

Марья жила на окраине — в Бутово, в хрущёвке, на седьмом этаже. Дверь открыла женщина лет шестидесяти — маленькая, сухая, с короткой стрижкой и глазами, которые смотрели — как рентген. Не мигая. Не улыбаясь. Сканируя.

— Снегирёв? — спросила она. — Я ждала. Виктор звонил мне — за год до смерти. Сказал: «Марья, если придёт Артём — скажи ему про Степаниду». Ты пришёл. Сядь.

Марья не была колдуньей. Она была хранительницей.

— Я не создавала камни, — сказала она. — Я — храню информацию. О камнях, о людях, о тех, кто ищет. Степанида — создатель. Она жива. Ей — много лет. Она — в Москве, на Покровке. Но к ней — не идут просто так. К ней идут — когда больше некуда.

Артём спросил:

— А конверт? Письмо? «Три дня»?

Марья взяла листок, посмотрела, вернула.

— Орден. Они забирают камни. Не убивают — забирают. Думают, что так — правильное. Камень у них — в хранилище, под излучателем. Спит. Но — они не знают, что камень спит не от излучателя. Камень спит — от скуки. Нет носителя — нет еды — нет голода. Дай его человеку — и он проснётся. Через час.

Артём спросил:

— А мой кулон? Почему он молчит?

Марья посмотрела на него — долго, рентгеновски.

— Потому что он слышал Степаниду. Он узнал — кто его сделал. И — замолчал. Не от страха — от уважения. Или — от стыда. Камни — умеют стыдиться.

Марья дала ему визитку. Белая, без телефона, без имени. Только — адрес. Покровка, 12.

— Приходи. Все. Кого можешь привести. Но — не один. Камень — жадный. Один — он возьмёт верх.

Вечером Артём показал визитку Лене. Кулон — лежал на тумбочке. Артём достал визитку из кармана — и кулон вибрировал. Коротко, резко, как телефон на беззвучном. Артём замер.

— Ты видела?

Лена кивнула.

— Он — узнал. Адрес.

Артём позвонил Лене — ночью, в два часа.

— Лен, я не сплю. Кулон молчит — но визитку он почувствовал. Марья сказала — Степанида. Покровка, 12. Завтра. Идём.

Лена ответила:

— Иду. Но не завтра. Послезавтра. Нам нужен Коля. И — Мия. И — Света. Марья сказала — не один. Значит — все.

Артём положил трубку. Кулон молчал. Но визитка лежала рядом — и камень дрожал. Тонко, постоянно, как ток. Он узнал адрес. Он ждал.

Коля и Мартин — встретились. Не случайно — Артём попросил.

— Коль, поговори с ним. Сам. Без меня.

Коля не хотел — но пошёл.

Мартин сидел в баре — том же, «Соты». Кашлял. Пил воду. Коля сел напротив — большой, красный, в мятой куртке. Бита — в рюкзаке.

Мартин посмотрел на Колю. Долго. Как сканер — но не рентген. По-другому. Как человек — на человека.

— Ты — не носитель, — сказал Мартин.

— Нет.

— Почему ты здесь?

— Потому что он — мой брат.

Мартин молчал. Кашлянул — в платок. На платке — кровь. Спрятал. Потом — сказал:

— У меня был брат. Старший. Он умер. Я не поехал. Я работал. Я всегда работал. На следующий день — похороны. Через неделю — забыл. Через месяц — не помнил имени. Камень — жены. Не мой. Но голод — общий. Голод — не выбирает носителя. Голод — ест — всех, кто рядом.

Коля молчал. Потом:

— И?

— И — теперь — поздно. Я не помню его лицо. Не помню — голос. Не помню — как мы — вместе. Камень — съел. Не меня — брата. Из памяти. Как — крошку со стола.

Коля не ответил. Но — запомнил. Это — предупреждение. Не Артёму — ему. Коля — не носитель. Но — рядом. Брат — рядом. И голод — ест — всех, кто рядом.

Глава 10. Между двух огней

В хостеле, ночью, Артём достал отцовскую тетрадь. Три адреса — три имени: Зинаида, Марья, Мия. На последней странице — «Степанида. Покровка. Она — знает». А ниже — три пути, написанные торопливой рукой отца: «1. Использовать — пока не сожрёт. 2. Уничтожить — если найдёшь, как. 3. —».

Третий путь — вырван. Страница — обрезана. Кто-то — отец? Степанида? — не дал третьего пути. Или — не успел.

Артём перечитал два. «Использовать» — он уже использовал. Месяц. Света, работа, бег. И — потерял себя. «Уничтожить» — как? Камень не бился, не горел, не резался. Артём пробовал — ножом, молотком, огнём. Камень — тёплый, гладкий, цел. Ни царапины.

Третий путь — вырван. Артём думал: что знал отец? Что не смог? Что не успел? Или — что не хотел, чтобы Артём знал?

Света пришла утром — без звонка, как всегда. Рыжие волосы, веснушки, смех — громкий, живой. Она села на кровать, посмотрела на Артёма — и смех исчез.

— Ты не спал. Опять.

Артём посмотрел на неё — и впервые — по-настоящему. Не «кулон смотрел через него», а — он. Света — красивая. Света — живая. Но — любит ли она его? Или — кулона в нём?

— Свет, — сказал Артём. — Мне нужно тебе сказать. Про камень. Про то, что он делает.

Он рассказал. Всё. Про кулон, про тепло, про маску, про голод. Про то, как камень ест — радость, боль, тепло, себя. Про то, как он перестал различать — где он, а где камень. Света слушала — и бледнела.

— Ты хочешь сказать, — она медленно подняла глаза, — что я влюбилась в камень? А не в тебя?

Артём не ответил. Потому что — не знал. Кулон молчал. Без кулона — он не знал, что чувствует Света. Не знал, что чувствует сам. Не знал — где его чувства, а где — камень, который подменил.

— Я не знаю, — сказал он. — Я не знаю, где я, а где камень. Может — он менял меня так, чтобы тебе нравилось. Может — он питался тобой через меня. Я не знаю.

Света встала. Молча. Ушла — не хлопнув дверью. Просто — ушла. Тихо, как человек, у которого забрали не любовь — себя.

Лена пришла в обед. Артём ждал её в кафе — том, где она первый раз спросила: «Ты что-то принимаешь?» Теперь — она не спрашивала. Она знала.

— Лен, — сказал Артём. — Света ушла. Я рассказал ей про кулон — и она ушла. Может — правильно. Может — кулон привлёк её, а теперь, когда он молчит, — отталкивает.

Лена помолчала.

— А ты? Что ты чувствуешь?

Артём закрыл глаза.

— Ничего. Пусто. Без кулона — пусто. С кулоном — мас-

ка. Я не знаю, где я.

Лена положила руку на стол — рядом с его. Как тогда, в первый раз.

— Тём, я не знаю, что с тобой. Не знаю, что это за камень. Но — я выбираю тебя. Не камень. Тебя. Даже если ты — пустой. Даже если ты — серый. Я выбираю тебя.

Она помолчала.

— Но я не знаю — я ли выбираю. Или — камень. Через меня. Как через Свету. Я не знаю.

Ночью — кулон вернулся. Не весь — теплом. Частично. Как будто проснулся — не до конца, но — проснулся. Тепло — слабое, но — живое. Артём лежал в темноте и чувствовал: камень на груди — тёплый. И — голодный.

И — в этом тепле — Артём почувствовал: желание. Не своё — кулона. Камень хотел — Свету. Хотел — Лену. Хотел — тепло, эмоции, жизнь. Камень был голоден — и Артём был его ртом.

Артём закрыл глаза. Кулон шептал — не словами, теплом: «Иди к ней. К одной. К любой. Корми меня. Я дам тебе — всё. Уверенность. Удачу. Силу. Только — корми».

Артём не встал. Лежал — и слушал. Кулон — шептал. Артём — молчал. Борьба — без звуков, без движений. Только — в темноте, в тишине, между теплом камней и пустотой человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.